

Филоненко И., студ.,
Институт филологии КНУ имени Тараса Шевченко

**Идиоматические выражения
в современном персидском языке на материалах произведений Симин
Данешвар**

Статья посвящена идиоматическим выражениям современного персидского языка. На материале творчества Симин Данешвар была исследована и разработана классификация устойчивых идиом, представленных двумя категориями, а также авторских фразеологических единств.

Ключевые слова: персидский язык, идиоматические выражения, фразеологизмы, устойчивые и авторские идиомы.

Filonenko I., Stud.,
Taras Shevchenko National University of Kyiv

**Idiomatic expressions of modern
Persian language in short stories of Simin Daneshvar**

This article focuses on idiomatic expressions which studies were conducted on the basis of works of Simin Daneshvar. As the result different idiomatic expressions of Persian language were classified. There were presented two categories of fixed idioms and one category of author's ones.

Keywords: Persian language, idiomatic expressions, idioms, fixed idioms, author's idioms.

УДК 821.161.1:82-1/Огарёв

Храмова С.И., к.филол.н., доц.,
Институт филологии КНУ имени Тараса Шевченко

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ШИЛЛЕРА И ГЕТЕ
В КРИТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ Н. П. ОГАРЁВА**

В статье рассмотрены особенности восприятия и интерпретации Н.П. Огарёвым творчества выдающихся представителей немецкого Просвещения Ф. Шиллера и И. В. Гете в связи с эволюцией эстетических взглядов русского мыслителя.

Ключевые слова: этические и эстетические проблемы, народность, гражданственность.

Николай Платонович Огарёв — человек огромной культуры — с юности проявлял живейший интерес к русской и зарубежной литературе, музыке,

живописи, стремясь к строгому и последовательному усвоению лучших мировых образцов.

Отношение Н. П. Огарёва к западноевропейскому культурному наследию получило определенную интерпретацию в работах А. Ш. Гурштейна, В. А. Путинцева, И. Г. Птушкиной, С. С. Конкина, Н. Г. Тараканова, Г. В. Краснова, Л. С. Конкиной, заложивших основы рассмотрения этой большой темы, на некоторых аспектах которой мы остановимся в данной статье.

Воспоминания Огарёва и его сподвижников, А. И. Герцена прежде всего, литературно-критические и публицистические статьи, письма и, наконец, поэтические произведения (включая переводы) свидетельствуют, что поэтамыслителя интересовала проблема сохранения социально-эстетической ответственности произведений искусства, несущих просветительно-гуманистические идеи, нравственно возвышающих человека, отстаивающих его естественные права, формирующих передовое мировоззрение, призывающих к обновлению и преобразованию мира. В этих источниках есть краткие или более-менее развернутые оценки европейской литературы от античности и до 1870-х годов, свидетельствующие о широте кругозора и литературной начитанности Огарёва. Особый интерес представляют его отклики о литературе немецкого Просвещения.

На протяжении всей жизни Огарёв, как и Герцен, напоминал о роли И. В. Гете и Ф. Шиллера в формировании и возмужании их поколения. Еще в отроческие годы изучивший немецкий язык, а позже, во время заграничных поездок, подолгу живший в Германии, Огарёв хорошо знал немецкую литературу, переводил на русский язык стихотворные произведения Г. Гейне, Л. Рельштаба, А. Глюка, В. Мюллера, Л. Уланда. Интересные отклики оставил Огарев о творчестве Э. Т. А. Гофмана, Х. А. Тигче, Г. Кёнига (который с помощью Н. А. Мельгунова в 1837 г. написал «Очерки русской литературы»). Но на первом месте, конечно, такие выдающиеся умы, как Шиллер и Гете. Обращение к их творчеству, наряду с наследием других западноевропейских и русских деятелей искусства, зачастую было связано у Огарёва с осмыслением важных эстетических и этических проблем.

В России 1830-х годов, как известно, падает популярность французской поэзии предшествующего периода, зато усиливается интерес к немецкой литературе и прежде всего к творчеству великих веймарцев.

Трудно переоценить значение шиллеровских произведений для духовного развития передовой дворянской молодежи в 20—30-х годах XIX века. По словам Н. Г. Чернышевского, тогда в России Шиллер стал «участником умственного развития».

Наряду с К. Ф. Рылеевым, который был для Огарёва «первым светом», «родным по духу» и «путеводной звездой», другим кумиром стал немецкий поэт-просветитель. Огарёву импонировало учение Шиллера о высокой роли искусства, идея эстетического воспитания. Во всей немецкой философии его прежде всего привлекала идея совершенствования, постановка проблемы идеала, которую русский мыслитель так или иначе связывал с борьбой за социальную справедливость. И поэтому, оспаривая в определенных аспектах Гегеля, он пишет Герцену в июне 1841 года: «...не все, что действительно, разумное, но разумное должно быть действительно. Лучшая мысль современной германской философии — die Philosophie der Tat» (русск. - философия действия) [1, т. 2, с.316].

Философию действия, призыв к действию, к исследованию объективных законов общества для активной борьбы против социального зла видел Огарёв и в творческом наследии Шиллера. «Идеальный Шиллер, идеальный Руссо, юношеское движение 14-го декабря — всё это кажется так далеко от реализма!.. А между тем я прав; тут был зародыш реализма.

Что дал нам идеальный Шиллер? Благородство стремлений. Но это благородство стремлений наполнялось сомнением, отрицанием разумности и справедливости современного общества. В героях Шиллера и его философских письмах важным для нас становилась не идеализация, не духовность понятий; это было преходящее; важным было то, что для оправдания идеализации и духовности мы должны были пальцем дотронуться до действительного общества и указать ложь, указать рану, указать страдание» [3, с.27-28].

В незавершенном цикле «Письма деревенского жителя» Огарёв справедливо писал: «Поэтическое слово точно так же казнит и клеймит позором неразумие, как и книга философа, как и решение законодателя; иначе ни книга, ни изменение в общественных постановлениях не нашли бы отголоска в людях. Если поэт и не создает новых условий жизни, тем не менее слово его сильно колеблет неправду» [3, с.22].

Летом 1833 г. Огарёв настоятельно советует Герцену как можно чаще читать шиллеровскую народную драму «Вильгельм Телль», «особенно же в минуту ожесточения, досады, ненависти». А далее в письме следует знаменательная фраза: «Но все это мысль разрушения! Мне уже хочется созидать» [3, с.171]. Огарёв-мыслитель не может довольствоваться одной идеей разрушения; нужна позитивная жизнеутверждающая программа. Высоко оценивая художественные достоинства «Телля», называя эту пьесу «лучшим творением Шиллера», в котором «видна личность драматического создания», русский поэт противопоставляет ему социально-философскую трагедию «Дон Карлос», «самую худшую», по его мнению, шиллеровскую пьесу, кото-

рую «никогда не посоветовал бы часто читать» [11, с.292]. «Лучшим созданием Шиллера» представлялась Огарёву Текла, героиня трагедии «Валленштайн»: «Может быть, настоящая Текла была совсем не то, но я знаю только Шиллерову, и другой мне не надо» [3, с.179].

Включившись в острые дискуссии о назначении искусства, рассуждая о сути такой важной категории, как народность, Огарёв констатирует недоступность образования для демократических слоев населения по всей Европе: «Если судить о народности <...> на том основании, читает или не читает поэта простой народ, то мы едва ли начтем больше двух народных поэтов в целой Европе, по очень простой причине: простой народ так же не читает в Европе, как и у нас. И в Европе, как и у нас, простой народ не имеет доступа к образованию» [3, с.85].

«Гете и Шиллера знает Германия, прошедшая через университеты, - утверждает Огарёв, - а не Германия, работающая шесть дней, а на седьмой читающая исключительно Библию и Катехизис <...> Пушкин так же мало имеет читателей в нашем простонародии, как и Кольцов; видно, еще час народа не пробил», - делает вывод поэт-революционер [3, с. 86].

Огарёв выступал против сведения народности к простонародности и против упрощенного понимания мирового значения наследия того или иного автора: «Если оно относится исключительно к политическому содержанию и влиянию поэзии, то мы должны исключить Гете из числа мировых поэтов. Если оно относится к научному содержанию, то только одного Гете и можно назвать мировым поэтом». Рядом с Гете Огарёв закономерно называет Шиллера и Пушкина: «Если мировое значение относится вообще к влиянию на современный мир, то влияние Пушкина на русский мир было не меньше, чем влияние Гете и Шиллера на германский мир» [3, с. 86-87].

С годами юношеская восторженность сменяется объективным анализом наследия классиков немецкой литературы. Подчас Огарёв полемизировал с Шиллером, который «некогда разделил поэзию на сентиментальную и наивную (романтическую и классическую)», и замечал: « Мне кажется, это несправедливо. В поэзии наивность и истинность – одно и то же. Наивен Гомер в принцессе-прачке; но наивен и Гете в Вертере» [3, с. 176]. (Так писал Огарёв в 1836 г. своей жене Марье Львовне, имея в виду статью Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии»).

В 1840-е годы Огарёв переосмысливает и свое отношение к романтизму. 14 июля 1842 г., перед отъездом во второе заграничное путешествие, он пишет Евд. В. Сухово-Кобылиной: «Я Вам только позволяю страдать Шиллеровской Sehnsucht, страдать желанием чего-то прекрасного. Я устарел; я уже не могу симпатизировать с Шиллером, не могу удовлетвориться его

стремлением *ins Blaue*; дайте мне жизни реальной и действительного блаженства, вот здесь, а не *jenseits*, не там где-то. Я смотрю на Шиллера как на прекрасного юношу, которого люблю, не могу не любить, но для которого я ужасно стар» [3, с. 189]. «Я ужасно стар», - это пишет о себе 28-летний Огарёв – стар по сравнению с «прекрасным юношей» Шиллером. Действительно, «Разбойники» были написаны 22-летним драматургом, «Дона Карлоса» Шиллер написал в 28 лет, но столь любимого Огарёвым «Вильгельма Телля» он написал за год до смерти, в 45 лет, то есть далеко не юношей. Значит, речь идет не о возрасте как таковом, а об изменении отношения Огарёва к эстетической программе романтизма.

Стремление к самоанализу, к погружению в глубины человеческого сознания и духа, к осмыслению фундаментальных законов природы и общества — это был всеобщий процесс, охвативший с 1830-х годов философию, историю, эстетику, литературу.

Рассуждая о типах рефлексии в поэзии и особенностях трактовок рефлексии как таковой, Огарёв замечал летом 1844 г., что «давно перестал быть врагом *Reflexionspoesie*». Положительная рефлексия для него – это «нераздельное с натурой человека обращение на самого себя и на внутри себя происходящую драму», такая рефлексия должна помочь в достижении гармонии жизни; но когда рефлексия – «только готовая теория, которую ни с того ни с сего облачают в стих, заменяя внутреннее чувство каким-то, право поддельным, *Schwung*'ом, то от этого страдает художественная сторона поэзии» [3, с. 206]. Первый тип рефлексии Огарёв видит у Шиллера и Байрона, а второй – у немецкого поэта первой половины XIX в. Фридриха Рюккерта и в современных политических стихотворениях.

Многие стихотворения Шиллера Огарёв знал наизусть, использовал отрывки из них в качестве эпиграфов к собственным произведениям и цитировал их в своих письмах. Так, например, в письме к Т. Н. Грановскому от 17 января 1847 г. он приводит строки из стихотворения Шиллера «Изречения Конфуция», несколько изменяя последнюю строку. В русском переводе эти стихи звучат так: Только твердость ведет к цели, / Только полнота души ведет к ясности / И в свободе обретается правда.

Полемизируя с одним из теоретиков чистого искусства, П. В. Анненковым, Огарёв опровергал утверждение, что мысль убивает искусство; напротив, она служит его развитию. В письме от 21 декабря 1854 г. Огарёв замечает: «Если же художник в композиции <...> не совладевает с мыслью и произведение и жизнь выразятся в форме натянутой, придуманной с усилием, холодной, не живой, то или мысль была не понята, или недоставало таланта, или умения совладать с нею. Виновата не мысль, а ограниченность

лица» [3, с. 225]. Аргументируя свои выводы, Огарёв ссылается на «Фауста» Гете, «Письмо о пользе стекла» М. В. Ломоносова, оды Державина и совету-ет Анненкову обратиться к поэзии Шиллера: «А перечтите-ка “Die Macht des Gesungen”, и вы не найдете, чтобы мысль убила произведение. Оно прекрасно, потому что талант совладал с формой» [с.225-226]. (В своих собственных произведениях русский поэт стремился к единству формы и содержания как залогом высокой художественности). Огарёву была близка позиция В. Г. Белинского, еще в 1840-е годы защищавшего право художника «довести ум до поэзии». В предисловии к сборнику «Русская потаённая литература XIX века», отстаивая программный тезис об общественном содержании художественного творчества, поэт писал, что предметом поэзии может быть «фило-софское раздумье», «подвиг Брута, восторг Галилея перед великим откры-тием», «живая жажда знания», «преданность Ньютона своей задаче» и т. д. «Не будь поэзии в действии и созерцании человека, в самой рефлексии, столь гонимой немецкой эстетикой, - и надо бы исключить драму из области искус-ства и лирический монолог Фауста подвергнуть опале. И кто же мог верить, чтобы живое стремление к общественному благу, лирическая перестройка общественных отношений и сопряженные с ними политические ненависти и восторги — были недоступны для художественной формы?». Н. П. Огарёв делает неопровержимый логический вывод: «Дело не в невозможности по-этического слова для политического содержания, а в силе таланта самого поэта» [3, с.77].

В решении сложных эстетических и этических проблем Огарёв неодно-кратно обращался и к наследию Гете, оказавшему огромное влияние не толь-ко на развитие европейской литературы, но и на естественные науки и фило-софскую мысль своего времени и последующей эпохи. Огарёв подчеркивал, что Гете сделал познающий разум героем поэзии. Провозгласив мыслящую и познающую мир личность средоточием вселенной, он доказал объективное значение гениальной личности, утвердил право творческой природы представ-лять человечество и создал специфическую этику, определяющую поведение подобной личности. Аристократизму происхождения Гете противопоставил аристократизм духа. Представление о творческой личности как органе по-знания было выработано Гете в борьбе с немецким убожеством, с жесткой феодальной шкалой ценностей и градацией прав людей в обществе — и это было особенно близко русскому мыслителю и революционеру.

Высоко оценивая в 1841 г. созданный Гете образ Мефистофеля, личность которого «так хорошо проведена, что никак не усомнишься в ее действи-тельности и не примешь ее за ходячий абстракт», хотя это «внутренний, холодный, сухой анализис Фауста» [3, с.180], через три года Огарев будет

предостерегать от сближения Мефистофеля с идеей отрицания социальной несправедливости, с «негацией», потому что это «заставляет отчаиваться в правде и в жизни. Ложь, которую нашептывает собственная недостаточность, принимается за опытность, за то, <...> что вообще называется горькими истинами». Теперь Мефистофель для Огарёва «больше жалкий урод, чем черт», «насмешник черствый и больной» и «близость Мефистофеля оскорбительна, как spleen», но этот образ заставляет думать о «неадекватности личности и идеи», об «отрицании духа из личного бессилия». Огарёв же прославляет «всесильный дух движенья и создання», «вечно юный, новый и живой» [3, с.207].

На протяжении всей жизни Огарёв помнил наизусть гетевские тексты и часто цитировал их в своих художественных произведениях, воспоминаниях, в личной переписке. Рассказывая жене о поэзии женственности Мадонн Рафаэля, их кротости, чистоте и нежности, Огарёв цитирует немецкого классика: *Das Ewigweiblich Zieht uns hinan!* (Goethe) (русск. - А вечно женственным душа пленяется) [3, с.182]. Примером того, насколько хорошо знал русский поэт творчество Гете, может служить и такой факт: в статью «Сплотимся дружно» (1870) он по памяти (и очевидно поэтому несколько неточно) включает последнюю строфу из стихотворения Гете «*Die Spinnerin*» («Пряха») [3, с.162].

Сравнивая байроновского Манфреда, «Дядю» Мицкевича и гетевского Фауста, Огарёв отдает предпочтение последнему: «... насколько концепция Фауста выше, настолько задача имеет в себе больше бесконечного и непреходящего. <...> Тема Фауста вечная, как человеческая натура. Но насколько шире, бесконечнее и вместе неопределеннее тема — настолько труднее выполнение». Но пьеса Гете, по мнению Огарёва, «не верх современной драмы, именно потому, что Фауст, как и сам Гете, - не имеет в себе гражданского элемента. Надобно для современной поэмы человека, который был бы всё во всём. Страдалец мира духовного, политического и личного — вот он, современный человек» [3, с.180]. Выражая в своей поэзии героические, гражданские мотивы, этого же русский поэт искал и в творчестве выдающихся писателей Запада. В третьей части поэмы «Юмор» (1867) Огарёв писал о будущем герое реальной жизни - «с стремленьем чистым, мыслью зрелой», который должен стать и героем литературы. С благодарностью вспоминая тех, кто закладывал основы человеческой культуры, - Гомера, Вергилия, Данте, Гете, - Огарёв сожалел, что в их творчестве «человек грядущих лет стихами не бывал воспет» [3, с.305].

Высокая духовность творческого наследия Н. П. Огарёва — это и развитие традиций русской художественной литературы и философии, это и опора

на многовековую европейскую культуру. И постоянное обращение к творчеству Шиллера и Гете помогало русскому поэту, критику и общественному деятелю осмысливать движение литературы и находить ее детерминирующие факторы.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Огарёв Н. П. Избр. социально-политические и философские произведения. - В 2-х т. - М.: 1952 — 1956.
2. Огарёв Н. П. Стихотворения и поэмы. - Л.: 1956.
3. Огарёв Н. П. О литературе и искусстве. - М.: 1988.
4. Гурштейн А. Ш. Забытые страницы Огарёва: О литературных взглядах Огарёва // Литература и марксизм. - 1930. - № 2. - С. 32-45.
5. Конкин С. С. Николай Огарёв: Жизнь, идейно-творческие искания, борьба. - Саранск. - 1982.
6. Конкина Л. С. Литература Запада в художественном сознании и критике Н. П. Огарёва // Н. П. Огарёв: проблемы творчества. - Изд. Саратовского университета. - 1990. - С.61 — 86.
7. Краснов Г. Критика поэта-борца // Н. П. Огарёв. О литературе и искусстве. - М.: 1988. - С. 3-17.
8. Птушкина И. Г., Путинцев В. А. Герцен и Огарёв — критики // История русской критики: в 2-х т. — Л.: 1958. - С. 547-576.
9. Путинцев В. А. Н. П. Огарёв: Жизнь. Мироззрение. Творчество. - М.: 1963.
10. Тараканов Н. Г. Н. П. Огарёв: Эволюция философских взглядов. - М.: 1974.
11. Литературное наследство. - М.: 1955.- Т. 63.

Статья поступила в редакцию 23.04.13.

Храмова С.І., к.філол.н., доц.,
Інститут філології КНУ імені Тараса Шевченка

Художній спадок Шиллера і Гете в критичній реценції М. Огарьова

Стаття присвячена розгляду особливостей сприйняття та інтерпретації М. П. Огарьовим творчої спадщини видатних представників німецької культури Ф. Шиллера і І. В. Гете в аспекті еволюції естетичних поглядів російського поета і суспільного діяча.

Ключові слова: етичні та естетичні проблеми, народність, рефлексія.

**Artistic heritage Schiller AND Goethe
IN CRITICAL RECEPTION N. P. Ogarev**

The article is devoted to the peculiarities of perception and interpretation NPOgarev creative heritage of outstanding representatives of German culture Schiller and Goethe IV in terms of the evolution of aesthetic views of the Russian poet and public figure.

Keywords: ethical and aesthetic problem, nationality, reflection.

УДК 811.14'06'37:82 (045)

Челпан В.М., асп.,
КНУ імені Тараса Шевченка

**ОСЛОВЛЕННЯ КОНЦЕПТІВ АМАРТІА
ТА ΑΓΙΟΣΥΝΗ В ІДІОЛЕКТІ М. КАРАГАЦИСА**

У статті розглянуто лінгвокультурні виміри головних у творчості грецького письменника М. Карагациса концептів ΑΜΑΡΤΙΑ (гріх) та ΑΓΙΟΣΥΝΗ (святість) у лінгвістичному аспекті крізь призму їхнього ословлення в ідіолекті письменника.

Ключові слова: ословлення, концепт, ідіолект, лінгвокультурні виміри.

Актуальність дослідження як у загальномовознавчому плані, так і в межах елліністики, зумовлено відсутністю ґрунтовних праць, присвячених вивченню ідіолекту грецького письменника М. Карагациса в лінгвістичному аспекті, яке б могло пролити світло на низку актуальних питань щодо взаємодії мови і культури, відтворення духовних цінностей в національно зорієнтованих формах, етнічної специфіки поєднання мовних категорій у національно-ментальній системі. **Мета** дослідження полягає у комплексному вивченні лінгвокультурних особливостей ідіолекту письменника, а саме лексико-граматичних й етнолінгвістичних вимірів, мовних особливостей відтворення ментальності, культури, побуту грецького етносу, національно-культурної специфіки фразеопростору, особливостей концептуалізації дійсності і взаємодії основних лінгвокультурних концептів, а також лінгвокультурних інтерференцій, зумовлених суб'єктивними та об'єктивними факторами. **Предметом** дослідження в межах цієї статті виступають лінгвокультурні виміри головних у творчості М. Карагациса концептів ΑΜΑΡΤΙΑ (гріх) та ΑΓΙΟΣΥΝΗ (святість). **Об'єктом** є ословлення розглянутих концептів у прозових творах